

Е. ГРОМОВА



ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК

Ева Громова

Хороший мальчик

«Автор»

2023

Громова Е.

Хороший мальчик / Е. Громова — «Автор», 2023

В старшей школе у нас с Дашей была одна задача: дотерпеть до выпуска, чтобы сдать экзамены и, наконец, уехать из этого маленького ненавистного города. Но всё изменилось, когда наш странный одноклассник, любимец учителей, по уши влюбился в мою лучшую подругу. Он стал преследовать её. Он всё разрушил, заслонил своей огромной чёрной тенью. Говорят: «раз влюбился — добейся». Да и зачем жаловаться, когда за тобой ухаживает такой хороший мальчик?

© Громова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
23 мая, суббота	8
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ева Громова

Хороший мальчик

«– Зачем тебе револьвер? – спросил юноша.

– Чтобы научиться доверять людям – ответил Англичанин»

Пауло Коэльо, «Алхимик»

«Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»

Ст. 49 Конституции РФ

В рассказе также присутствуют сцены курения и употребления лекарственных препаратов, выписываемых только по рецепту врача. Пожалуйста, продолжайте читать с осторожностью.

Человеку, спасшему мне жизнь и психику, Татьяне З.

Пролог

Когда я была совсем маленькой и играла в нашем большом светлом доме, я часто совала нос туда, куда, в общем-то, не следовало бы. Моя очень спокойная и, местами, даже немного рассеянная мама дорожила каждой минутой свободного от моего воспитания времени и старалась проводить его за чтением или здоровым дневным сном. И когда маленький, но толстый томик «Анжелики»¹ наконец выпал из ослабшей маминой руки на пол, и сама она, закрыв глаза, начинала тихо посапывать на диване в гостиной, я понимала: у меня есть два часа на то, чтобы делать всё, что мне захочется.

Бросив игрушки, я выходила во двор, рассматривала мамины цветочные клумбы, от которых она меня мягко, но настойчиво отгоняла, когда была рядом. Ходила по саду, мерилась ростом с деревьями и кидала камни в маленький искусственный пруд, в котором по ночам квакали лягушки. У меня было богатое, ещё не задушенное взрослыми реалиями детское воображение, и мне вечно казалось, что мамины берёзы со мной разговаривают, розовые кусты перешёптываются, а маленькие плоские камушки ойкают всякий раз, как я броском отправляла их в воду.

– Привет, вьюнок! – говорила я зелёному плющу, окутывающему решётчатый забор палисадника.

– Привет-привет, – игриво отвечали маленькие белые цветочки, проглядывающиеся среди листков.

– Добрый день, яблоки! – кричала я, бегая среди упавших на землю ещё не убранных мамой маленьких яблочек, родом с соседского дерева.

– Добрый, – наперебой друг другу отвечали мне они. – Добрый-добрый день!

– Здравствуй, фонарь! – остановившись под высокой раскидистой берёзой, я вежливо здоровалась с прикрученным к дереву садовым фонарём.

– Здравствуй, Ася, – также вежливо говорил он мне в ответ.

Я тайком раскрашивала фломастерами кирпичи внешних стен нашего дома со стороны малинника – так, чтобы родители не увидели и не отругали меня за это. Подъедала самые вкусные конфеты из хрустальной вазы за стеклом старого советского сервиза, да так часто, что очень скоро все мои любимые конфеты закончились, и остались одни только противные «ромашки», да «васильки»². Но самым любимым местом в нашем доме для меня всегда оставался чердак. Там мы хранили старые вещи, игрушки, новогодние украшения и прочий хлам.

Мама, конечно, лазить мне там не разрешала. Говорила, что на чердаке темно, опасно и страшно скрипит пол. И, по сути, не согласиться с ней было нельзя, но детское любопытство так и распирало меня изнутри всякий раз, как я проходила мимо лестницы, ведущей с первого этажа напрямик туда – под крышу.

Чердак казался мне сказочным местом, где я всегда могла найти, чем себя занять: скакать по старой пыльной мебели, разглядывать семейные снимки, высовываться из окна и с высоты смотреть во двор к соседям. Я наблюдала за ними, разглядывала, как участковый дядя Вася в плетёном кресле читает газету, как его жена – тётя Люба – рыхлит землю в своих клумбах. Неподалёку всегда сидела их дочь-старшеклассница, нехотя перелистывающая страницы школьных учебников и время от времени списывающая из них что-то в тетрадь. Они и не подозревали о том, что здесь, на чердаке, сижу я и вглядываюсь в их будничную рутину, вижу

¹ «Анжелика» – серия романтических книг французской писательницы Анн Голон о приключениях вымышленной красавицы-авантюристки по имени Анжелика.

² «Ромашки» и «васильки» – известные советские конфеты, до сих пор выпускаемые кондитерской фабрикой «Красный октябрь».

всю их жизнь как на ладони. Впрочем, зрелище это быстро вгоняло меня в скуку, и я переключалась на главное сокровище, лежащее на чердаке – старое дедушкино охотничье ружьё.

Оно хранилось у нас как попало, за дверцами деревянного шифоньера³, завёрнутое в белое полотенце. Тут же, рядом с ним, стояли две тяжёлые коробочки с патронами, и, держу пари, если бы правоохранительные органы узнали о том, что вполне рабочее огнестрельное оружие вот так просто валяется у нас дома без сейфа – моим родителям наверняка крепко бы досталось. Но о том, что оно вообще у нас есть никто, конечно, не догадывался, да и в нашем маленьком захудалом городке редко кому было дело до бумажек и проверки чего бы там ни было. И потому, к этому холодному, неопишимо красивому произведению оружейного искусства на рандеву навевалась лишь я одна.

Из разговоров взрослых я часто слышала, что если где-то лежит ружьё, то однажды оно обязательно должно выстрелить. Тогда я не понимала значения этих слов, и мне казалось, что они говорят про то самое – дедушкино. Я наивно полагала, что оно вот-вот, в любой момент, когда захочет, сможет выстрелить, и жаждала увидеть это собственными глазами. Я разворачивала ружьё из белого полотенца, подолгу рассматривала его тёплого цвета деревянный приклад, водила пальцами по холодному металлическому стволу, касалась спускового крючка. Затем, по обыкновению, брала тяжёлое оружие в руки, садилась на край подоконника и наводила дулом на всё, что только можно, воображая себя в зелёных кучерявых джунглях. И мысленно я стреляла, нажимая на курок, но совсем не в беззащитных воображаемых животных, а в злых людей, задумавших на них поохотиться.

За этим занятием меня однажды спалила моя слишком рано проснувшаяся мама. Перепугавшись, что я могу случайно пораниться, она отняла у меня дедушкино ружьё, замотала его обратно в полотенце и куда-то убрала. Окно закрыла, а меня, крепко схватив за руку, поволокла на первый этаж, теперь уже строго настрого запретив мне посещать мой маленький «сказочный мирок» под крышей дома. Вернувшийся с работы отец перепрятал ружьё, а вход на чердак закрыл тяжёлыми плитами. В следующий раз я оказалась там вновь лишь спустя много лет, незадолго до рождения моего младшего братика. Я снова поднялась по скрипучим ступенькам вверх после того, как на чердаке закончили ремонт и превратили его в мою собственную комнату. Но было уже слишком поздно, и от моего старого уютного места уже ничего не осталось.

³ Шифоньер – шкаф для одежды, гардероб.

23 мая, суббота

– Обещаешь быть моей самой лучшей подружкой? Всегда-всегда! Даже если мы переедем и больше никогда не увидимся. Обещай, что всегда будешь меня помнить!

С Дашей Алексеевой мы познакомились в далёком для нас детстве, из которого мы, в сущности, мало что помнили. Первым днём нашей завязавшейся дружбы было принято считать день рождения её матери, на котором присутствовала вся моя семья и, в том числе, я сама. Как обычно это и полагается у маленьких девочек, насильно сведённых в одной комнате родителями с фразой «ну, поиграйте тут вместе», с первых же минут мы стали лучшими подружками.

Будучи ещё дошкольницами, мы коротали огромное количество свободного времени за игрой в прятки и догонялки, переодеванием в шмотки друг друга (за что нас постоянно ругали наши родители), издевательствам над куклами и совместным просмотром кассетных мультфильмов. Больше всего, конечно, нам нравилось носиться по улице с весёлыми криками, не замечая, как быстро проходит время и как скоро пора идти домой. Благо – жили наши семьи по соседству, буквально через несколько домов друг от друга.

– Вот было бы классно, если б мы жили рядом, – мечтательно потягивалась я на солнышке, сидя на скамейке, пока расположившаяся рядом Даша теребила в руках тряпичную куклу в фиолетовом платье и чепчике, с которой в детстве она не расставалась. – Мы бы проделали дырку в заборе и прибежали друг к другу в гости, да?

– Да, было бы здорово, – радостно смеясь, кивала моя подружка.

С детства Даша была из тех девчонок, кто во время жаркого спора предпочёл бы либо отмолчаться в стороне, либо еле слышно протянуть: «Ребят, давайте не будем ссориться...». И долго я совершенно не могла понять, с чем это связано, даже пыталась воспитывать её, учить своему бойкому и смелому характеру, готовности бросаться в бой при малейшей необходимости. Однако, воспитанию Даша поддавалась неохотно и из рук вон плохо, а вскоре и вовсе выяснилось, что её родители и дня не проводят без того, чтобы не ругаться на виду у собственной дочери.

Даша не пыталась никого мирить, заведомо зная, что дело это гиблое, а главное – неблагодарное. Защитишь маму – обидится папа, встанешь на сторону отца – уже мать устроит сцену ревности. Ещё в детстве Даша поняла и приняла важный для себя жизненный урок: в любых конфликтах лучше держаться в стороне и соблюдать нейтралитет. Так и попадёт меньше, и совесть будет честнее.

Когда пришло время, мы обе пошли в школу – в единственное во всём нашем маленьком посёлке городского типа учебное заведение под громким названием «Гимназия №12». С настоящими гимназиями она едва ли имела хоть что-то общее: грязный, кое-где провалившийся пол, советские коричневые доски, по которым и мел-то едва писал. Неровные парты, крашенные розовой малярной краской в попытке скрыть их реальный, весьма почтенный возраст. Здесь мы провели с Дашей одиннадцать незабываемых, во всех смыслах этого слова, лет рутинных мучений, бесполезных зубрёжек и ненависти ко всему сущему. Школа убила во мне последнюю, итак уже еле дышащую где-то в глубине сознания, веру в чудо, уступив место суровой реальности. И едва я переступила порог «Гимназии №12» – садовые цветы и уличные фонари перестали со мной разговаривать.

Училась я, надо сказать, еле-еле вытягивая свои весьма поверхностные знания до уровня четвёрок. Ни один из школьных предметов не захватывал и не пленял моего интереса, и лишь физкультуре удалось найти хоть какой-то отклик в моём сердечке. На удивление, практически растерянная мной детская жажда активности смогла проявиться в физических упражнениях, спортивных играх и беге на дистанцию. Время шло, цифра в заглавии класса менялась, и очень

скоро за мной закрепился образ холодной жёсткой спортсменки со свирепым взглядом, серьгой в проколотой брови и ровно подстриженными под шею тёмными волосами.

А вот моя лучшая подружка Даша, чуть более способная к гуманитарным наукам, но всё ещё полный ноль в математике и физике, выросла и расцвела в прекрасную хрупкую девчонку с тонкой шеей и маленькими плечиками. Её длинные шоколадного цвета волосы, по обыкновению сплетённые в широкую косу и слегка выгоревшие на солнце, словно специально подобранный по случаю наряд сочетались с её круглыми голубыми глазами. А свисающая на лицо длинная чёлка обрамляла алые вечно смущённые щёки.

И мы были странной, такой разной по внешности и темпераменту парочкой подруг, но так любили друг друга, что о дружбе ни с кем более, кроме нас самих, речи, почему-то, не шло. Я была для неё тем единственным человеком, который всегда, невзирая на обстоятельства, был целиком и полностью на её стороне. Никогда мне не представлялось ни возможности, ни, тем более, желания выбирать сторону в споре или конфликте, потому что неизменно я пребывала лишь на стороне Даши – единственно правильной для меня стороне. Сама же Алексеева была, пожалуй, последней, ещё не потухшей моей верой во что-то чудесное. По-детски наивную и до сих пор безумно доверчивую, спокойную и такую добрую Дашу я была готова защищать ценой всего. Порой мне казалось, что я способна даже убить за неё, ведь именно эти качества, сохранившиеся в ней, я уже посмела растерять когда-то в себе.

Всё изменилось тогда, когда последние сугробы растаяли, тропинки и соседские клумбы покрылись зеленью, а деревья, наконец, зашумели листвой. К концу близился последний школьный май в нашей жизни: мы заканчивали одиннадцатый класс. На носу экзамены, выпускной и поступление в ВУЗы. И в этот яркий солнечный день мы с моей лучшей подружкой Дашей Алексеевой сидели на лавочке, в тени кустов, за железными прутьями школьного забора. Здесь мы прятались от учителей, чтобы моя лучшая подруга могла спокойно покурить.

– Не думай, что я смирилась с этим, – недовольно выдохнула я, кивая головой в сторону сигареты в руках Даши. Осторожно оглядываясь по сторонам, та тихо выпускала изо рта маленькие клубочки дыма и быстро хлопала «кукольными» ресницами. – Я всё ещё считаю, что тебе нужно бросать, пока не поздно.

– Обещаю, я брошу, – умоляюще закатила глаза Алексеева, слегка вздрогнув плечиками. – Экзамены закончатся – и сразу брошу, честное слово!

– Ага, знаю я, как ты бросишь, – я недоверчиво покачала головой и хрустнула пальцами. – Так же, как два месяца назад, и как тогда – зимой. Я не хочу читать тебе нотации, но...

– Это наше последнее общее лето, – вдруг перебила Даша, рассеянно наблюдая за пролетающими по небу птицами. – Совсем скоро всё это закончится. Мы сдадим экзамены и разъедемся в разные города.

Я опешила, прекрасно понимая, что подруга просто попыталась перевести тему. Взглянула на неё украдкой, одаривая слегка раздражённой усмешкой, и тяжело вздохнула.

– Скорей бы, – мрачно пробубнила я.

В недоумении, Даша уставилась прямо мне в глаза, отставив дымящуюся сигарету в сторону. Я тут же спохватилась, едва не закашлявшись от противного запаха дешманского табака и гари.

– В том смысле, – я стала поспешно оправдываться. – Что я хочу поскорее уехать. Ненавижу этот город.

– Я тоже не шибко от него в восторге, – согласилась Даша. – Но неужели тебе ни капельки не страшно?

– Ничуть, – однозначно помотала я головой. – Всё здесь меня раздражает, и я чувствую себя такой ограниченной. Школа, дом – и больше ничего. Кем я буду, если останусь? А в Ставрополе у меня будет хоть какой-то шанс стать человеком. Нет, я хочу поскорее уехать отсюда, забыть этот город и эту школу как страшный сон.

– Не хочу взрослеть, – тихо пробормотала Даша, горько отвернувшись в сторону. – Вот бы лето не начиналось.

Лёгкий, но весьма прохладный весенний ветер трепал шнурки на наших ветровках, под ногами стелилась зеленая трава. Настроения не было совсем. Конец учебного года приближался всё стремительнее, и никто из нас не радовался. Большую школьную перемену мы коротали на свежем воздухе, пробравшись наружу через дырку в школьном заборе, и никто за учениками здесь особо не следил – все были заняты выставлением оценок и суетились вокруг предстоящих соревнований, которые ознаменовали бы собой завершение учебного года и начало лета.

– Директриса идёт, туши, быстро! – испуганно шикнула я, едва заведя выплывшую из-за угла школьного фасада женскую фигуру в толпе школьников.

Даша отреагировала моментально и, бросив бычок на землю, придавила его ногой. Где-то вдалеке действительно прошла старая раздутая директриса. В нашей школе она вела только биологию, и её знание собственного предмета весьма уступало её тучности. Я обернулась на огромный плакат с надписью «Финальные соревнования, забег 25 мая в городской Гимназии №12», который пронесли мимо восьмиклассники под громкие указания учительницы.

– Ты ведь придёшь болеть за меня? – спросила я у подруги, проводив взглядом отдаляющуюся компанию школьников.

– А у меня разве есть выбор? – улыбнувшись, закатила глаза Даша и осторожно потянулась рукой вниз, поднимая с тропинки смятую потухшую сигарету. – Ведь если я этого не сделаю, ты меня из-под земли достанешь.

– И достану! – усмехнувшись, подтвердила я. – Будь уверена, достану. Да и вообще, чем ещё заниматься до экзаменов?

Даша потянулась, сладко зевая и разминая плечи, и руки её случайно ударились о железные прутья старого школьного забора, выкрашенного зелёной краской.

– Завидую твоей целеустремлённости, – хмурясь то ли от солнца, то ли от странного, ни к чему не ведущего разговора, прокряхтела она. – Я вот до сих пор понять не могу, кто я и чем хочу заниматься по жизни.

– Я и сама слабо в этом соображаю, – тряхнув головой, заверила её я. – Знаю только одно: что здесь делать нам нечего. Неважно где, неважно куда, но хочу просто поступить и уехать как можно дальше, и больше никогда не возвращаться.

– И что, даже по мне скучать не будешь? – с какой-то непонятной печалью в голосе хмыкнула Даша.

Я расплылась в снисходительной, но доброй улыбке, глядя прямо ей в глаза.

– Только если по тебе, Алексеева.

После этих слов она потянулась мне навстречу, и мы заключили друг друга в крепкие дружеские объятия.

Объятия Даши всегда казались мне высшим проявлением истинной дружеской любви, быть может потому, что делала она это всегда по-особенному. Все, кого я знала – от одноклассниц до членов моей семьи – лишь слегка припадали одной рукой к моим рёбрам, а другую закидывали за спину, точно мимолётно схватившись за меня и тут же отпуская. Даша же имела привычку крепко обхватывать за шею, со всей искренностью прижимая к себе и давая возможность положить голову ей на плечо. Таким жестом она точно укрывала меня от всего, что происходило вокруг, и так мы сидели на лавочке возле школы, нежно прижавшись друг к другу и раскачиваясь из стороны в сторону, точно пытаюсь уснуть.

Даша, как будто, и правда хотела спать. Она закрыла глаза и томно припала головой к собственной руке, обвивающей мою шею. Я же, не в силах сомкнуть глаз даже в столь трогательный момент, продолжала монотонно покачиваться из стороны в сторону, уткнувшись задумчивым взглядом в асфальт. Яркое майское солнышко грело мои щиколотки, пока сами

мы сидели в тени, под деревом. Ветер слегка задирает Дашину школьную юбку, и я с досадой подумала о том, что нужно было всё-таки убедить её надеть что-нибудь потеплее. Повсюду на земле валялись мелкие камушки, кое-где выбивалась зелёная трава и маленькие жёлтые цветочки. И всё бы ничего, но почему-то я чувствовала себя сжато и скованно, непонятно откуда на меня находило тянущее чувство тревоги.

Даше как будто было по барабану. Она сладко нежилась, уткнувшись мне в шею, и уже ни на что не обращала внимания. Меня же противное чувство дискомфорта всё не оставляло в покое, и долго я не могла сообразить, в чём же дело, пока вдруг не поняла: кто-то за нами наблюдал.

Что-то кольнуло в левый висок. Я осторожно перевела взгляд и, наконец, поняла, что к чему.

Должно быть, в любом классе имеется такой ученик, который «идеален» настолько, что аж бесит: отличная семья, прекрасные оценки, всегда приветлив и вечно улыбается. Как не посмотришь в его сторону – всегда стоит довольный, с кем-нибудь болтает или повторяет урок. И, быть может, нет в нём на самом деле ничего особенного, и сам ты это прекрасно понимаешь. Но, по каким-то странным непонятным тебе причинам, все вокруг его обожают. В нашем классе таким человеком был Артём Ягелев.

Я не знаю, как ему это удавалось. В школе не было, пожалуй, ни одной учительницы, которая не расхваливала бы Артёма во всеуслышание. Одноклассницы томно вздыхали, едва завидев его издали, а родители на собраниях, не сдерживаясь в чувствах, осыпали паренька комплиментами и всё повторяли меж собой:

«Какой же хороший мальчик этот Тёма!»

Да, Тёма в нашей школе был настоящей звездой – везде поможет, всё подскажет. Одноклассница забыла пенал? – Держи ручку, у меня запасная! Физрук несёт тяжёлую банкетку? – Иван Васильевич, давайте помогу! Классуха сделала новую причёску? – Надо же, Наталия Владимировна, как же вам идёт!

Артём бесил меня всегда даже одним своим существованием. Всё у него было «как надо»: уроки всегда сделаны, рубашка выглажена, с перемены возвращается вовремя. Он участвовал в любой школьной деятельности, ездил на все олимпиады и даже занимал какие-никакие места. Конечно же, он был единственным из всей параллели, кто «шёл» на золотую медаль. Сидеть с Ягелевым за одной партой было невыносимо, так как любое телодвижение или непроизвольно изданный звук карались его жуткой снисходительной улыбкой и просьбой «не шуметь». И именно это и пугало меня в Артёме больше всего: его не сходящая с лица удалая, молодецкая улыбка, которая, в купе с его прямыми чертами лица и светлыми волосами, делала из него героя любого советского агитационного плаката с изображением образцового рабочего. Ни плохие новости, ни грубость и холод, ни даже гроза за окном как будто не способны были вывести Ягелева на иные эмоции, кроме добродушного оскала.

«Ничего страшного, со всеми бывает» – прикрыв глаза, говорил он.

И так во всём. В какой-то момент Артём стал так вездесущ, что скрыться от него стало практически невозможно. Не знаю как вы, но весёлым и жизнерадостным людям я доверяю гораздо меньше, чем злым и угрюмым. Тот, кто вечно улыбается и всегда всем доволен, просто не может быть психически вменяем.

И всё это, хоть и безумно раздражало, меркло на фоне того, что Ягелев был безответно влюблён в Дашу вот уже целый год. В тот момент, когда мы с Алексеевой сидели в тени берёз, samozабвенно обнимаясь, он проходил мимо вместе с директрисой и группой других учеников. Он отстал от компании и, выпрямившись в полный рост, глядел на нас с Дашей издали, словно загипнотизированный. В глазах его читалась какая-то едва заметная детская обида, и если бы я подошла ближе, быть может, разглядела бы в них ещё и ядовитую пошлую ревность.

Я, наконец, отважилась одёрнуть Дашу.

– Что? Что случилось? – не поняла Алексеева и, разомкнув объятия, обернулась.

Он по-прежнему стоял смиренно там, где и был до этого. Слегка покусывал губы и глядел на нас, прищурившись.

Осторожно, словно на всякий случай, Даша помахала ему одними пальцами. Я тут же схватила её за запястье, вынуждая остановиться и опустить руку, но Ягелев успел разглядеть её приветственный жест. Он также, весьма неуверенно, но дружелюбно помахал Даше в ответ. Откуда-то донёлся крик директора, и Артём исчез, догоняя остальных.

– Что ты творишь?! – шикнула я на подругу, едва одноклассник скрылся из виду. – Зачем ты с ним заговариваешь?!

– Я не говорила с ним, – искренне удивилась наивная Даша. – Просто поздоровалась. Артёма не было на первых уроках, мы не виделись.

– Кажется, ещё недавно кто-то очень жаловался на него, – с ноткой иронии в голосе хмыкнула я, задрал нос.

Даша устало вздохнула и закатила глаза.

– А-а-а... мы уже давно всё выяснили. Он сказал, что я ему нравлюсь, а я сказала, что он мне – нет. И мы остались друзьями.

Руки мои сплелись на груди, и я недоверчиво дёрнула проколотой бровью.

– В гробу я видала такую дружбу, – весьма прямолинейно отреагировала я. – Моя тётя говорит, что нельзя дружить с тем, кто уже попытался эту дружбу разрушить.

– Ты преувеличиваешь, – отмахнулась Алексеева. – Нельзя же думать обо всех людях плохо, иначе жить станет невыносимо.

– А если думать обо всех подряд исключительно хорошо – и вовсе жить перестанешь, – усмехнулась я и саркастически поджала губы.

Телефон в моём кармане вдруг издал короткий звон. Вытащив его, я взглянула на экран. «Хай. Как дела?» – было написано в пришедшем уведомлении.

Губы мои дрогнули было в усмешке, но я вовремя сжала скулы и опустила телефон обратно в карман.

– Кто написал? – без задней мысли спросила меня любопытная Даша.

– Так, никто, – ответила я.

Прозвенел звонок, а это значило, что уроки на сегодня окончены и все, наконец, могут идти домой. Все, кроме нас с Дашей, потому что из всего класса именно нам выпала «честь» рисовать стенд-газету для поддержки участников предстоящих соревнований.

– Тебе не кажется всё это каким-то нелогичным? – я покидала вещи в рюкзак, одним рывком закинула его на плечо и стала ждать, пока соберётся Даша. – Почему я должна рисовать плакат, если я сама – участник забега?

– Потому что тебе нужно выслужиться перед классухой, – вздохнула Даша, методично складывая учебники в сумку. – У тебя средний балл по географии висит между «четвёркой» и «тройкой». А я просто неудачно попала учительнице под руку, когда шла с тобой рядом.

– Мы с тобой всегда рядом, – усмехнувшись, я приобняла её за плечи и пару раз ободрительно прижала к себе. – А вообще, «четвёрка» по географии – это, конечно, крайне соблазнительно. Но боюсь, что знания местоположения источников руды – это последнее, что пригодится мне в жизни.

– Именно после таких фраз обычно и становятся миллиардерами, – хмыкнула Даша, после чего мы обе рассмеялись.

Мы вышли из кабинета, активно рассуждая о важности школьных предметов и двигаясь в сторону своего класса. По коридору туда-сюда сновали ученики и учителя, спешили к гардеробу за своей одеждой. На лестнице как всегда было не протолкнуться, и пришлось взяться за руки, чтобы не потерять друг друга в толпе.

– Эй, ты там жива? – обеспокоенно обернулась я на подругу, когда мы, наконец, минули ступеньки.

Даша ничего не ответила и лишь коротко кивнула головой. Мы поравнялись друг с другом, и собрались было идти дальше, как вдруг, прямо перед нашими носами, возник Артём.

– Привет, – как всегда, Ягелев улыбался своей неотразимой белоснежной улыбкой.

От неожиданности мы обе чуть не прошлись ему по ногам, а Даша едва не выронила ватман.

– Ягелев, мать твою! – испуганно выругалась я. – Ты что, из-под земли что ли вырос?!

– Извините, я просто помочь хотел, – неловко улыбнулся Ягелев. – Увидел, что вы тяжести несёте, и решил...

Я резко обернулась на Дашу, сжимающую в руках несчастный ватман, и вновь обратилась к однокласснику:

– Ага, как же! Бумага метр на полтора ведь такая тяжёлая!

– Ася, прекрати! – неодобрительно шикнула на меня подруга, после чего мягко улыбнулась, обращаясь к Ягелеву: – Тём, спасибо, мы справимся.

– Вот именно, – отчеканила я, повторив за ней. – «Справимся», слышал? Отойди в сторону, проход загородил. Ты как вообще на четвёртом этаже раньше нас оказался?

В своей обыденной манере, Ягелев слегка прикрыл глаза и снисходительно-раздражённым тоном заявил мне прямо в лицо:

– Просто хотел поздороваться.

Ледяным взглядом я полосонула его снизу вверх. Артём стоял на пару ступенек выше, как всегда – гладко выглаженный, идеально постриженный, в этих своих строгих школьных брюках, белой рубашке и затянутом на шее серым галстуком – чуть ли не единственный в школе, соблюдающий правила ношения формы. Он опирался одной рукой о край перил, а другую, полусогнутой, держал на уровне торса. Взгляд его при этом слегка пропускал незаметную никому, но такую очевидную мне надменность, самолюбие. Держу пари, он и сам был от себя в восторге, хотя и мастерски скрывал это на людях.

Между тем, Ягелев загородил нам проход, нагло и бесцеремонно, словно пытаюсь помочь, но, на самом деле, явно пытаюсь отвлечь. На любую из девчонок нашего или какого-нибудь другого класса это легко сработало бы, но со мной подобные фокусы не проходили никогда.

– Мы очень спешим, – отрезала я и попыталась обойти одноклассника, но тот вновь возник на пути.

– Я не с тобой разговариваю, Шарапова, – сдержанно и спокойно ответил мне он.

Упоминание моей собственной фамилии его голосом резануло по ушам.

– Даша тоже спешит, Ягелев, – едко передразнила Артёма я, и раздражённо дёрнула щекой. – Поговорите как-нибудь в следующий раз. Скажем – через годик-другой, ты будешь свободен?

Не знаю, как ему удавалось держаться особняком перед моими комментариями. Скажу без утайки: на месте самого Артёма я бы уже давно двинула самой себе как следует, но Ягелев продолжал интеллигентно проглатывать каждое моё слово, совершенно никак на них не реагируя.

Зато, на сей раз, от реакции не воздержалась Даша. Она больно ущипнула меня вбок, и вновь улыбнулась однокласснику:

– Тём, нам и вправду пора, Наталия Владимировна будет ругаться. Мы итак задержались. Поговорим позже.

С этими словами, она мягко оттолкнула меня вбок, поднимаясь наверх. Без лишних слов, Ягелев подвинулся, уступая ей место и провожая удаляющуюся девушку взглядом, а затем вновь молча обернулся на меня.

– Через го-од... – почти одними губами сладко пропела я, проносясь мимо его уха, и тоже скрылась в толпе школьников.

В классе было тихо как в гробу, и только стук настенных часов и редкое клацанье ногтей Наталии Владимировны по компьютерной клавиатуре нарушали молчание. Пока классная руководительница выставляла оценки за минувший урок, мы с Дашей методично раскрашивали плакат для предстоящих соревнований, тихонько разговаривая о своём.

– Всё это меня начинает напрягать, – тихо начала вдруг Даша. – Я всё могу понять, я ему нравлюсь и всё такое, но в последнее время Артём стал слишком уж...

– Навязчивым? – хмыкнула я. – Да уж, прицепился, как лишайник.

– Да, – подхватила подруга. – И по началу, это было даже мило: шоколадки, открытки, записки с сердечками на парте и сообщения со смайликом в конце. Но я ведь сразу сказала ему о том, что никаких чувств не испытываю. И он ясно мне ответил, что всё понял. Так с чего вдруг Артёму снова потребовалось ходить за мной?

– А просто послать его куда подальше ты не пробовала? – усмехнулась я, не отрываясь от раскрашивания плаката фломастерами. – Обычно, это самый действенный способ. Меня он ещё ни разу не подводил.

– Не могу я, – устало вздохнула Даша. – Посылать людей, особенно тех, кто тебя любит – неправильно. Я бы не хотела, чтобы меня послали.

– А преследовать девчонок, которые тебя терпеть не могут – надо думать, просто замечательно! – всплеснула я руками.

Даша промолчала, прекрасно понимая, что я права, но, по-видимому, так и не найдя, что мне ответить. Она очерчивала текст на ватмане разноцветными линиями, бездумно подрисовывала к картинкам тени и чёрточки, а глаза её, тем временем, глядели в пустоту. Украдкой я поглядывала на неё и видела беспокойство на лице подруги, но не знала, чем ей помочь.

Всё же, при всей моей любви к детской беззаботности Даши, был у этого один существенный недостаток – в силу своей широкой душевной доброты она совершенно не умела отказывать. И сколько бы я не твердила подруге о том, что не следует открываться малознакомым людям и во всех нужно видеть потенциальную опасность, для Даши все вокруг – напротив — были потенциальными друзьями. Вот уж неудивительно, что когда по уши влюблённый в свою одноклассницу аж с лета прошлого года добрый и искренний Артём, наконец, попытался с ней подружиться – наивная Алексеева не заподозрила ни малейшего подвоха. Она спокойно разговаривала с Ягелевым на переменах, когда тот подходил к ней и затевал беседу о тракторах и квантовой физике. Улыбаясь, любезничала с ним и даже позволяла садиться рядом с собой в столовке, слушала его и что-то рассказывала сама.

– Это невероятно, он словно знает обо мне всё! – восторгалась Даша, когда мы вместе шли домой из школы. – Все мои интересы, вкусы и предпочтения! И мы с ним, оказывается, так похожи!

– Да уж, класс... – равнодушно тянула я в ответ.

Каким-то образом он нашёл все её социальные сети и стал написывать целыми днями, особенно тогда, когда Даша заболела и не приходила в школу. Они стали проводить друг с другом всё больше времени, и очень скоро я была вытеснена из окружения лучшей подруги, словно старая ржавая шестерёнка.

Ситуация накалялась с каждым днём, я злилась и ревновала подругу к новоиспечённому приятелю. Очень скоро она и сама как будто стала замечать мою злость и негодование, и в какой-то момент их общение с Артёмом резко куда-то пропало. Они перестали болтать на каждой перемене, обедать вместе в столовке и гулять по школьному двору. Я хотела было выдохнуть и эгоистично обрадоваться распаду этого странного, совершенно нелепого союза, но поспешила: едва только оборвав общение с Ягелевым, моя лучшая подруга будто и не думала вновь заговаривать со мной.

За нашей партой мы сидели молча, в столовке давились неловкой тишиной, и даже домой она предпочитала уходить без меня. Любые мои попытки заговорить с лучшей подругой заканчивались напряжённым молчанием, в лучшем случае – она могла лишь отвернуть взгляд и ответить холодное «понятно». Я всё никак не могла понять, что же происходит, пока однажды, стоя у доски, не заметила, сидящего за второй партой Ягелева. Как дурачок, он радостно улыбался в экран своего телефона и увлечённо строчил кому-то сообщение. С любопытством я перевела взгляд на последнюю парту, за которой сидели мы с Дашей. Какого же было моё возмущение, когда я увидела, что та время от времени поднимает жужжащий от уведомлений смартфон, что-то печатает в нём и вновь откладывает на край стола. Лицо её при этом не пропускало никаких эмоций и оставалось неизменно равнодушным.

«Вот же стерва! – подумала тогда я. – Переписывается со своим дружком и думает, что я не замечу!»

Последней каплей стал день, когда Даша в очередной раз без объяснений отказалась идти домой вместе со мной. Алексеева который день уже сидела во внутреннем дворике школы, укрывшись вместе с рюкзаком в тени карниза крыши спортивного зала. Ледяной ноябрьский ветер трепал её куртку, и, вся съёжившись от холода, она сидела так, чтобы из окон школьных этажей её не было видно.

Я появилась в дверях трудового класса, ведущих на улицу, и сначала Даша меня даже не заметила.

– От меня прячешься? – равнодушно произнесла я, глядя на неё исподлобья и стараясь скрыть в голосе раздражение.

Даша вздрогнула и перевела на меня испуганные голубые глаза.

– Можешь не отвечать, – вздохнула я, устало опершись одной рукой о дверной косяк. – И ничего мне не объяснять. То, что я не отличница, как некоторые – ещё не значит, что я глупая.

Я сделала несколько размеренных шагов по направлению к Даше, очерчивая подошвой осенних сапог круги по песчаной дорожке. Взгляд мой был устремлён на землю, в то время как Даша следила за мной, не отрываясь ни на секунду. С каждым моим шагом она всё сильнее вжималась в спинку скамьи.

– Да, я может, не пишу все контрольные на «отлично», – монотонно продолжала я. – Не езжу на олимпиады и не разбираюсь в квантовой физике, да и в целом не такой я интересный собеседник, чтобы переписываться со мной даже на уроках...

Я поравнялась со скамьёй и одним рывком плюхнулась рядом с Дашей, едва не придавив собой её рюкзак. Алексеева вздрогнула и отпрянула в сторону, прижав к своей груди портфель и смущённо отводя взгляд прочь. Я помолчала мгновение, а затем повернула голову на подругу и произнесла негромко, но очень вкрадчиво:

– Но я хотя бы не предаю тех, кто мне дорог и кому дорога я.

Алексеева, испуганно съёжившись, осторожно подняла на меня голову. Я смотрела на подругу с нескрываемой обидой в глазах.

– Или я тебе уже не так дорога? – дёрнула я бровью. – Нашёлся кто-то дороже?

Даша молчала. Обняв руками портфель и вжавшись боком в холодные стены здания, она устремила потупленный взгляд в землю и ничего не отвечала. Осенний ветер трепал ветви высоких школьных берёз, на головы нам сыпались последние жёлтые листки. Крики школьников, несущихся с уроков домой, уже давно стихли. А значит, мы остались одни.

Я взглянула на экран телефона. Часы показали без пяти четыре.

– Пойдём домой, – устало вздохнула я, подняв голову к небу и прикрыв глаза. – Поздно уже. Мне вечером на тренировку.

– Иди без меня, – подала жалобный голос сидящая ко мне спиной Даша. – Я потом пойду.

Тут уже я не выдержала и подскочила со скамьи на ноги. Гнев одним толчком разлился от моего сердца к кончикам пальцев, кольнул в живот и окрасил кожу. Я побагровела от злости, до скрипа стиснула зубы и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Снова «потом»?! – закричала я. – Снова «без меня»?!

Даша резко подскочила на ноги и в панике попыталась меня успокоить.

– Ася, тихо! Не кричи! – взмолилась она, боязливо оглядываясь по сторонам.

– Ну конечно, чего бы мне кричать! – взревела я и стала размахивать руками так, что едва не ударила Дашу по голове. – Моя лучшая подруга всего лишь променяла меня на какого-то учительского подпевалу! Нашла себе, так сказать, напарника по разуму!

– Ася, пожалуйста, успокойся!

Даша в панике бегала вокруг меня, пыталась взять за плечи, но я с остервенением отбрасывала от себя её руки.

– Это тебе надо успокоиться, предательница! – зло прошипела ей я, глядя в самые глаза, сразу после того как Даша в очередной раз получила по пальцам. – Если ты больше не хочешь со мной общаться, то так и скажи! Зачем меня игнорировать?!

Я закинула на плечо рюкзак и, вновь оттолкнув от себя подругу, собралась было уходить, как вдруг голос Даши, оставшейся позади, дрогнул и сорвался на слёзы:

– Да не предавала я тебя!

– Ягелеву будешь это рассказывать! – не оборачиваясь, бросила я.

– Просто дай мне всё объяснить!

Разум требовал от меня идти дальше, не оборачиваться, не задерживаться, знать, в конце концов, себе цену. Голос собственного достоинства велел не вестись на глупые отмазки. Забыть о том, что между нами с Дашей вообще что-то было, оставить и переступить. Но сердце...

Сердце скулило о том, то нужно остаться. Оно верило что то, что всё это – одно большое недоразумение, и что нужно остановиться и выслушать. В конце концов, ведь все совершают ошибки, а те, кто их не совершают – нагло об этом врут, притом – не только окружающим, но и сами себе.

Я остановилась. Медленно развернулась, закатывая глаза и делая вид, что мне совершенно всё равно, взглянула на трясущуюся от холода и страха Дашу.

– Ну? – скептически дёрнула бровью я. – Объясняй. Только не думай, что я поведу на обыкновенное «ты просто всё не так поняла».

«Господи, хоть бы я просто всё не так поняла!» – умоляюще пронеслось у меня в голове. Лицо же моё при этом оставалось абсолютно безразличным.

– Ася, я... – схватила за голову Алексеева. – Я понимаю, я поступила неправильно...

– Я бы даже сказала «ужасно», – перебила её я. – А ещё «подло» и «цинично».

Даша виновато поджала губы.

– Я осознаю, как это выглядит со стороны, – пролепетала она. – Выглядит так, будто я променяла лучшую подругу на парня, но всё совсем...

– Ну да, всё именно так и выглядит, – саркастически подметила я. – А как ты догадалась?

– Если ты продолжишь меня перебивать, то я никогда не договорю до конца!! – завопила вдруг Даша, да так, что голос её едва не превратился в свист.

Я замолчала, выжидающе глядя на подругу.

– Спасибо, – выдохнула, наконец, она, и сдвинула брови. – Мы с Артёмом и вправду хорошо общались. Он оказался очень милым и интересным человеком, много рассказывал, мы постоянно что-то обсуждали, переписывались... а потом он стал вести себя странно.

Даша съёжилась и заробела. Мой яростный пыл резко начал угасать, и я понемногу стала приходить в себя.

– Странно? – сперва я не поняла, к чему она клонит.

Глядя подруге в глаза, я видела в них смятение и робкую боязнь сказать чего-то лишнего. Чего-то, за что придётся нести ответственность им обоим, а быть может – даже и мне.

Даша всё молчала.

– Говори же, – решительно потребовала я.

Алексеева мялась ещё какое-то время, а я терпеливо ждала. Наконец, она молвила:

– Мы с ним отлично общались, но... как друзья, понимаешь?

«Отлично понимаю» – язвительным тоном подумалось мне.

– И всё было хорошо до тех пор, пока однажды он не позвал меня после уроков за школу и не...

Она с силой выдохнула и отвернулась, обняв саму себя руками.

– В общем, он признался мне в любви.

Где-то глубоко на подсознательном уровне я догадывалась о таком исходе событий, но виду не подавала. Слегка нахмурившись, я попыталась заглянуть стоящей ко мне спиной подруге в лицо.

– А ты? – голос мой звучал обеспокоенно, и уже совсем не грубо, как прежде.

– Что я?! – не оборачиваясь, немного даже сердито Даша тряхнула головой. – Я растерялась. Долго мялась, стеснялась, не знала, что ему ответить. В конце концов, взяла себя в руки и сказала, что он для меня – просто друг, и я не могу и не хочу быть с ним.

– А потом?

– А потом он стал таким навязчивым, что спасу от него не было нигде! – я не видела, но по голосу слышала, как она хмурится. – На переменах, в столовой, за школой, у туалета – он преследовал меня повсюду! Я попыталась прекратить общение совсем, но всё без толку: он даже на уроках умудряется мне писать!

Меня словно током обдало.

– Так вот оно что... – произнесла я, ошеломлённо прокручивая в голове недавние события, которые после слов Даши, надо заметить, заиграли совершенно новыми красками. – А я-то думала... я думала, что ты...

– Забыла о тебе?

Она стояла напротив, в нескольких шагах от меня. Сжавшись всем телом от холода, она смотрела куда-то вниз, стыдливо уводя взгляд, и волосы её подхватывал на лету ледяной ветер. Вдруг Даша стала медленно поворачиваться в мою сторону, всё ещё сжимая себя за плечи. Только сейчас она, наконец, взглянула мне в глаза.

– Никогда, – почти прошептала она. – Никогда я о тебе не забывала.

– Тогда почему? – я и сама знала, что ответа не последует, но зачем-то спросила. Быть может, я спрашивала вовсе даже не Дашу. Может, я спрашивала саму себя.

Губы Даши вздрогнули, глаза наполнились слезами, и она повесила голову, закрыв лицо руками. В два шага я оказалась рядом с ней, сгребла подругу в охапку, прижала её к себе всем телом и закрыла этого маленького невинного ребёнка собой от всего мира, что мог ей навредить.

– Да почему ты сразу мне не сказала? – почти плача от жалости и отчаяния, простонала я, глядя подругу по голове и раскачиваясь с ней из стороны в сторону, словно убаюкивая. – Я никогда не простила бы себе, если б потеряла тебя!

– Прости *меня!* – скулила Даша мне в грудную клетку. – Я на самом деле отодвинула свою лучшую подругу на второй план, и я это признаю! Но это получилось не со зла! Этот идиот заполнил собой всё свободное пространство! Я даже пряталась здесь не от тебя, а от Ягелева, чтобы он не увязался за мной следом до самого дома! А потом, когда я, наконец, опомнилась и поняла, как обидела тебя, мне сделалось так стыдно! Мне было так совестно даже в глаза тебе смотреть, не то, что разговаривать. Пожалуйста, прости меня, я так виновата!

– Ты невиновата... – тихо шептала я ей в макушку. – Такое могло произойти с кем угодно. Тебе нужно было сразу обо всём мне рассказать. Ты ведь знаешь, как дорога мне.

Даша продолжала всхлипывать мне в толстовку, а я успокаивала бедняжку, прижимая её к себе всё крепче. И стало мне на душе тогда вдруг так тревожно, глаза мои забегали, и сердце замерло, когда я увидела его – стоящего вдалеке и наблюдавшего за нами, с маленьким букетом школьных цветов в одной руке и портфелем в другой. Он стоял очень далеко, но я отчётливо понимала, как нехорошо он на нас смотрит. Взгляд его разъедал нас словно кислотой, и тогда-то я впервые подумала: добром это дело не кончится.

– Подай красный маркер, пожалуйста.

Спокойный сосредоточенный голос Даши выдернул меня из омута воспоминаний, и я вновь оказалась в нашем стареньком классе, наедине со своей лучшей подругой, классухой и стенд-газетой. Всё также раздражающе, среди полной тишины, тикали настенные часы, и красные ногти Наталии Владимировны клацали по клавиатуре.

– Эй, ты чего? – заметила моё смятение Даша.

Я резко дёрнула локтём, едва не столкнув маркер на пол, но вовремя успела подхватить его налету. Фломастер прокрутил несколько «сальто» в воздухе, неуклюже приземлился в мои ладони, и я дрожащими руками протянула его Даше.

– Н-ничего, – буркнула я в ответ. – Так, вспомнилось.

– Ничего не понимаю, – негодовала у компьютера классная руководительница. – На кнопку жму, и ничего не происходит. Чёрт бы побрал эти электронные дневники с их нововведениями! Почему он ничего не распечатывает?!

– А вы стукните по принтеру, как следует, – усмехнулась Даша. – Вдруг поможет? У меня папа с телевизором постоянно так делает.

– Да этой рухляди уже ничего не поможет! – раздосадованная учительница и вправду пару раз несильно шлёпнула принтер ладонью, но ничего не произошло. – О, видали? Ну, великолепно просто...

Я потихоньку вошла в рабочий ритм и вновь принялась вырисовывать цветы в углу ватмана, пока Даша старательно выводила спортивные кричалки аккуратным ровным почерком. Классуха ещё немного повозилась со старой школьной техникой, но, в конце концов, и это ей надоело, и Наталия Владимировна устало обмякла в учительском кресле.

– Бесплезно, – измученно процедила она. – Не хочу я ничего печатать. Пусть директриса сама разбирается со своей волокитой. Я устала.

– Берегите себя, Наталия Владимировна, – не отрываясь от газеты, протянула я, и, кажется, учительница не расслышала в моём голосе нотки сарказма. – Не перенапрягайтесь так сильно.

– Ой, Настюшка, молчи, – махнула рукой классуха. – «Не перенапрягаться» – это точно не про нашу школу. Ты бы видела, сколько мне ещё отчётов заполнять.

«Настюшка» резанула по уху не только мне: мы с Дашей переглянулись, украдкой одавив друг друга ошеломлённым взглядом, но, тут же, Алексеева вновь погрузилась с головой в работу.

– Не называйте меня так, – пренебрежительно процедила я почти себе под нос. – Меня Асей все давно зовут.

– Ладно тебе, – вновь отмахнулась Наталия Владимировна. – Последние дни вас вижу, сжался над старой учительницей. Вот-вот экзамены сдадите – и поминай, как звали, извините уж за каламбур. А я ведь вас с четвертого класса ещё во-от такими помню! Ты вот, Ася, помнишь, как в пятом классе Клавдия Птолемея⁴ «пельменем» назвала?

⁴ Клавдий Птолемей – александрийский астроном, математик, географ и астролог.

Даша вдруг прыснула, не в силах сдержать издевательский смешок. Она тыкала в меня указательным пальцем, пока лицо моё выказывало высшее математическое негодование.

– А ты, Дашуня, – продолжила Наталия Владимировна. – В четвертом классе грызла ручку, а у неё стержень надломился, и весь рот тебе чернилами измазал! Ты помнишь?

Остатки смеха Алексеевой завершились неловким стоном гласной «э». Улыбка слетела с лица Даши, как только я передразниваяще рассмеялась ей в ответ, указывая на подругу пальцем.

– Очень смешно, – равнодушно процедила она и вернулась к работе.

– Эх, школьные годы чудесные... – мечтательно протянула Наталия Владимировна, откинувшись на спинку своего кресла и заламывая руки за голову. – Как же летит время. И вы вот теперь совсем взрослые. Ещё чуть-чуть – и самостоятельная жизнь.

– Да уж, скорей бы, – недовольно пробурчала я.

– А ты так время не гони! – классуха качнулась на сиденье и принялась потягиваться. – Всё ещё успеется. Ещё скучать по школе будете.

Мы с Дашей вдруг остановились, переглянулись друг на друга не многозначительно и ответили училке хором:

– Вот ещё.

– Будете-будете, – уверяла нас Наталия Владимировна. – И уроки ещё вспомните, и одноклассников, и пирожки из школьной столовой...

– О, это те самые, которыми я траванулась вначале года, и у меня неделю живот болел? – радостно улыбаясь, подняла руку Даша.

– Не-ет, – подыгрывая, протянула я, и мы с подругой вновь встретились взглядами. – Это те, об которые Козырев зуб сломал!

Обе мы рассмеялись, а раздосадованная учительница шикнула на нас.

– Так, девочки! – Наталия Владимировна нахмурилась, подавшись вперёд и опершись сложенными в «замочек» руками о стол. – Учитель в классе, в конце-то концов! Тем более, ну не так уж всё и плохо...

– Ага, не считая гнилого линолеума в каждом классе, – бросила я.

– И неровных парт, на которых писать – всё равно, что по сельским дорогам ездить! – добавила Даша.

Мы вновь рассмеялись, а Наталия Владимировна одарила нас неодобрительным взглядом.

– Господи, скорей бы вы уже выпустились, – мрачно протянула она, подперев щеку кулаком. – Ещё одного года в вашем классе я не переживу.

– Вот-вот, – давясь смехом, я потрясла маркером в воздухе. – Это уже больше похоже на правду, без этих ваших «с дружбою, с книгою»⁵. Давайте уже признаем, что в школьном времени нет ничего романтического. Это просто девять-одиннадцать лет строгого режима, от звонка до звонка, в одном помещении с кучей чужих людей и горой ненужных знаний, а на выходе – что?

– Что? – не поняла классуха.

– Ничего, – пожалала я плечами. – Багаж психических травм и полнейшая апатия ко всему, чему бы то ни было.

– Господи боже, – поморщилась Наталия Владимировна. – Не чуди ты бесплатно. Напридумывали каких-то апатий, депрессий. Слова им теперь не скажи.

– Ну-ну, – нервно дёрнула я бровями и вновь погрузилась в рисование. – Увидимся через десять лет на встрече выпускников, сами во всём убедитесь. Тусовка уставших людей, не знающих, что делать со своей жизнью, чай и тортик – удручающее зрелище.

⁵ Текст известной песни «Школьные годы чудесные» советской группы «Непоседы».

– Пряма уж, – Наталия Владимировна недоверчиво сузила глаза и откинулась на спинку стула. – Можно подумать, что и по одноклассникам ты скучать совсем не будешь.

– Не-а, – не отрываясь от ватмана, почему-то весело отозвалась я.

– Даша, и ты?

Даша задумалась на секунду, вздёрнув носик к потолку, и затем ответила твёрдо и со всей ответственностью:

– Думаю, что тоже всё-таки нет.

– Да что же это такое, – всплеснула руками женщина, да так, что едва не ударилась запястьем о край стола. – Ничего святого в вас нет, словно из пластмассы все сделанные. Вы как замуж-то выходить собираетесь?

Услышав это, мы с подругой почти одновременно вздохнули и закатили глаза.

«О нет, только не снова...» – пронеслось у меня в голове, и, судя по лицу Даши, она подумала точно также.

Выражение лица Наталии Владимировны, тем временем, становилось всё более томным.

– Вот у тебя, Дашуля, – она подпёрла обеими руками подбородок и мечтательно посмотрела на мою подругу. – Тёма Ягелев...

– Наталия Владимировна, даже не начинайте, – сразу оборвала я, но учительница и не думала замолкать.

– А ты помолчи, Ася, я ведь не с тобой разговариваю, – шикнула она в мою сторону и вновь устремила свой заинтересованный педагогический нос в сторону Даши. – Ты мне лучше скажи, Дашуля. Вы ведь с ним такая красивая пара...

– Мы не пара... – смущённо потупила взгляд в парту Алексева.

– Ну, так а в чём же проблема? – Наталия Владимировна развела руками так, словно речь шла о простых, до боли очевидных истинах, которых мы, нерадивые школьницы, почему-то не понимали. – Ты посмотри, какой парень за тобой бегаёт, как он ухаживает! Умный, перспективный, на золотую медаль идёт. Семья у него хорошая. Да во времена моей молодости таких с руками и ногами отрывали, а тут вот он – готовенький! Только возьми – и твоё!

Я осторожно посмотрела вбок, в сторону лучшей подруги и, ожидаемо, застала её в весьма уязвимом положении: Даша вся съежилась, скрючилась, как ёжик, стараясь всеми силами и не встречаться взглядом с противной учительницей, добивающей её каждым своим словом. Она с силой сжимала в пальцах руки фломастер и всё никак не решалась продолжить работу над газетой.

Я неуверенно протянула к ней под партой руку, но тут же осеклась: на телефон пришло уведомление.

«Э, чё за игнор?» – увидела я сообщение на экране смартфона и тут же поспешно выключила его.

– А, Даш? – всё никак не унимался голос учительницы. – Ну не молчи. Такой мальчик хороший, а ты носом воротишь. Вот я когда в школе училась...

– Когда вы в школе учились, Наталия Владимировна, – сказала вдруг я, решительно вмешавшись в разговор. – Были совершенно другие времена. Тогда, как известно, и солнце светило ярче, и трава зеленее, и люди добрей были. А сейчас всё совершенно по-другому: ценности поменялись и представления о том, что хорошо, а что плохо – уже совершенно иное.

– Вот этого-то я и боюсь, Ася! – Наталия Владимировна чуть ли не подпрыгивала на месте, продолжая сводить с ума нас обеих своим писклявым голосом и постоянным покачиванием в стуле. – Боюсь того, что ваше поколение, пока ему не разжуешь и на блюде не положишь, ничего нормально сделать не сможет. Вот мы в вашем возрасте уже и по дому помогали, и дрова кололи, и сами себе платья на выпускной шили. А вы чего? Вы ж ни черта не умеете, всё вечно, вот это вот, ноете! С вами же серьёзно решить ничего не выходит! Выдумали какие-то себе проблемы, отговорки... со скотом и то проще договориться, чем с вашим поколением..

– А вы не пробовали с людьми не как со скотом разговаривать? – тембр моего голоса опускался с каждой фразой всё ниже и ниже, и Даша видела, как сжимаются под партой мои кулаки. – Попробуйте как-нибудь, помогает.

– Ась, не надо, – еле слышно прошептала искоса смотрящая на меня напуганная Даша.

– А хамить старшим – нехорошо, – цокнула в ответ классная руководительница. – Это вот как раз то, о чём я говорила. И все вы такие. Один только у нас Тёма – лучик надежды в тёмном царстве. Какие манеры, какое воспитание!.. Всех бы так воспитывали...

Странный диалог наш так ничем и не увенчался. Годы жарких споров с учителем по ОБЖ, считающим, что девочки должны уметь отличать армейские погоны друг от друга исключительно для того, чтобы удачнее выскочить замуж, научили меня тому, что доказывать что-то преподавателям – бесполезно. Итог, как не крути, всегда будет один: они правы, а мы – потерянное поколение. Исправить людей невозможно, когда они и сами не хотят исправляться, считая всех вокруг тупее себя. И, не смотря на всякие противоречивые слова, неизменным и весьма печальным оставался лишь один факт: больные люди сами воспитали больное поколение, и, оставшись недовольными результатом, обвинили во всём телефоны.

Когда мы с Дашей, наконец, закончили работу над стенд-газетой и хотели уже развернуться восвояси, Наталия Владимировна попросила меня задержаться ненадолго. Она вообразила, что раз мой отец – электрик, значит я, по какой-то странной, неясной мне логике, должна разбираться в принтерах. Уже собравшая вещи Даша сказала, что подождёт меня в коридоре и вышла, оставив меня с учительницей наедине. И пока я мучила провода школьной аппаратуры, поочерёдно вставляя и вынимая их из розетки, Наталия Владимировна продолжала свою долгую возвышенную тираду о жизни, взрослении и традиционных ценностях. Половину из её речи я, к счастью, даже не расслышала, ползая на коленках под учительским столом в поисках нужной кнопки. Когда же я, наконец, её нашла, победно прожала, откуда-то сверху до меня донеслось:

– ... и ведь жалеть потом будет. Да, конечно, девочки больше любят плохих парней, но какой бы были они с Тёмой красивой парой... Ася, ну хоть ты ей скажи! Может, тебя послушает. Сил нет смотреть на то, как девчонка такого парня теряет по глупости.

– Наталия Владимировна, – из последних сил прокряхтела я, устало выбираясь из-под стола и отряхивая руки от серой пыли. – А почему бы Даше самой не решать, кого ей отшивать, а кого нет? Что я, нянька ей что ли, в самом деле? Поймите же, что Даша не любит плохих парней. Она просто не любит Ягелева. И она имеет на это право. А он ещё пристал к ней, всё равно что лишай, ну разве это по-человечески? Вот, сейчас, кажется, должно заработать.

Принтер и вправду заработал после того, как я выключила и включила его пару раз. Наталия Владимировна назвала меня гением компьютерной техники, выразила благодарность и отпустила. Я закинула рюкзак себе на плечо и молча вышла из кабинета.

В школьном коридоре уже, конечно, никого не было. Уборщица давно прошла по полу шваброй, все банкетки стояли ровно, и почти все двери в классные комнаты были закрыты на ключ. За окном светило радостное майское солнышко, чирикали птицы, и на фоне всего этого великолепия, рядом с Дашей, которой я велела ждать меня в коридоре, стоял Артём, прости господи, Ягелев.

Он о чём-то расспрашивал Алексею, то и дело пытался коснуться её рук, сжимающих у груди рюкзак, но та мягко отстранялась от одноклассника, при каждой его попытке приблизиться, и неловко улыбалась.

– Эй, ты! – глаза мои налились кровью. – Ты что здесь делаешь?! Я же сказала тебе держаться от нас подальше!

Я налетела на одноклассника, оттолкнув его от подруги и чуть не сбив обоих с ног. Артём отпрянул как ошпаренный и крикнул:

– Шарапова, ты в своём уме?!

– Это ты, видно, не в своём! – закричала в ответ я. – Сколько раз тебе ещё повторить, чтобы ты к ней не подходил? Прицепился, репей, хрен отдерёшь!

– А тебе-то что?! – с вызовом в глазах, Ягелев сделал мне шаг на встречу, пока из последних сил Даша пыталась нас разнять. – Не к тебе же прицепился, вот ты и бесишься!

– Что?! – я взревела от ярости и принялась закатывать рукава, уже готовая как следует навалить придурку. – Ты в зеркало себя видел, медалист?!

Я хотела было уже наброситься на Ягелева с кулаками, но Даша схватила меня за плечо, умоляя не делать глупостей.

– Ася, стой! – Алексеева вжалась в мою руку всем телом, и я почувствовала, как она дрожит. – Артём уже уходит, правда, Артём?

– А ты его не выгораживай! – голос мой надрывался параллельно тому, как я пыталась высвободиться из хватки подружки и двинуть по лицу этому белобрысому пай-мальчику, но Даша держала крепко. – Он тебя преследовать не перестанет, пока я ему парочку конечностей не сломаю!

– «Преследовать»?! – Артём самодовольно усмехнулся, вскинув подбородок вверх. – Ха! Это называется «ухаживать», хотя откуда тебе знать, да? Ты в жизни своей кроме кроссовок и мячей хоть что-нибудь видела?

– Ну, всё, красавчик, ты нарвался, – я клацнула зубами и подалась было вперёд, но Даша изо всех сил утянула меня за предплечье обратно. Я махнула рукой так, что смогла кончиками пальцев шлёпнуть Артёма по плечу, но на этом дело и закончилось. Даша продолжала сдерживать мой пыл своими крепкими объятиями.

Украдкой я видела, как бешено, в панике бегают её глаза, когда она наблюдает за нашей руганью. Даша металась из стороны в сторону, пытаясь утихомирить то меня, то своего воздыхателя. Она и сама не знала, чью сторону занять и что сказать или сделать для того, чтобы всё это прекратилось. В конце концов, когда я в очередной раз крикнула что-то едкое в сторону Ягелева с указанием на его румяные щёки и фарфоровую кожу, Алексеева не выдержала и завизжала, зажмурив глаза и заткнув уши руками:

– Да прекратите вы уже орать, в конце-то концов!

Мы с Артёмом тут же застыли в недоумении, и перевели свои взгляды в её сторону.

Бедняжка стояла между нами, словно меж двух огней. Она вся сжалась, точно готовясь к нападению, и пальцы её с силой впивались в кожу собственной головы, стягивая волосы.

– Как дети малые! – брови её сдвинулись, и Даша жадно глотала воздух ртом, словно задыхалась. На глаза её вот-вот должны были навернуться слёзы страха и отчаяния, голос дрожал. – У меня нет ни сил, ни желания слушать вашу ругань! Либо решайте вопросы мирно, либо я перестану общаться с вами обоими!

Я поняла, что мы её напугали. В тот же миг мне стало совестно, и пыл мой поиссяк. Артём держался достойнее, как и всегда: стоял, вытянувшись во фрунт, с каким-то отчуждённым взглядом, хотя и с нотками грамотно замаскированного беспокойства. И кажется, он совсем не ощущал себя лишним и не думал убираться прочь.

На наши крики из класса показалась Наталия Владимировна.

– Девочки, вы чего тут устроили?! – строго спросила она нас, едва заметно улыбнувшись Ягелеву. – Вы почему ещё здесь?! Марш домой, иначе я вам живо занятие найду!

– Наталия Владимировна! – захлёбываясь от возмущения, я сделала шаг вперёд, указывая ладонью на Артёма. – Ягелев...

– ... уже уходит, – миролюбиво перебила меня Даша. – И мы тоже уходим.

Она схватила меня за руку и потащила за собой к лестнице, ведущей вниз по этажам. Не успев ничего сообразить, я успела лишь коротко оглянуться на оставшихся позади Артёма и старую учительницу. Последним, что я разглядела прежде, чем зелёная стена возникла перед

моими глазами – был мягкий жест Наталии Владимировны, заговорчески поманивший к себе Ягелева, и первые его пара шагов ей навстречу.

– Чего он от тебя хотел?! – был первый мой вопрос, едва только мы с Дашей вышли на улицу.

– Какого хрена ты так себя ведешь?! – Алексеева почти прошипела это, отпустив мою руку. – А если бы я тебя не остановила, ты бы и с кулаками на него полезла?!

– Если б потребовалось, то и полезла бы! Чего он хотел?!

– Да какая разница, чего он хотел?! – Даша продолжала кричать, выпучив на меня свои широко раскрытые голубые глаза. – Ты ведёшь себя неадекватно! Хочешь уподобиться его примеру?!

– Ты на чьей вообще стороне?! – каждое слово вылетало из моей глотки, срываясь на визг и хрип. Голова гудела, и я мало соображала, что вообще несла. – Я – твоя подруга, а не он! Я *тебя* пыталась защитить!

– Не надо меня защищать, Ася! – Даша с силой клацнула челюстью, разве что только слюной меня не обрызгав. – По крайней мере, точно не так! Я не собираюсь принимать ни чью сторону, ни твою, ни его!

– Чего. Он. От тебя. Хотел?! – всё не унималась я.

Даша тяжело выдохнула, и ноздри её раздражённо запыхтели.

– Снова признавался в любви! – крикнула она вновь, но уже тише. – Просил дать ему шанс!

– Ах, ша-анс?! – саркастично всплеснула руками я. – Вот уж действительно, с чего это вдруг мне вести себя неадекватно! А разве вы не выяснили с ним всё ещё полгода назад? Разве он не «просто друг», который понял тебя с первого раза?!

Горячая ненависть, смешанная с острым чувством ревности, бурлила где-то глубоко внутри меня. Даша вдруг резко побледнела, на мгновение брови её подлетели ко лбу. Алексеева хотела что-то сказать, но вместо слов с её губ вылетело лишь два коротких вдоха и выдоха, полных возмущения. В ту же секунду, Даша нахмурилась и, так ничего и не ответив, молча отпихнула меня в сторону, направилась к школьным воротам. В ужасе я поняла, что сказала лишнего.

Я остыла в одно мгновение, осознав, что перегнула палку. Тотчас сорвалась с места, побежала вслед за ней, на ходу прося прощения и обещая, что такого больше не повторится.

– Не нравится мне всё это, – произнесла вдруг тихо Алексеева, когда мы уже двинули домой уличными дворами.

Мы были на полпути к своей улице, когда Даша, наконец, решила со мной заговорить.

– А? – подняла я на неё виноватый взгляд.

Даша шла загруженная, задумчивая. В голове у неё явно путались мысли, и от того, что всё это происходило именно с ней, да ещё и в разгар экзаменов и громкого бракоразводного процесса её родителей, наверняка било по ней с двойной силой.

– Он весь день мне напisyвал, – тихо продолжала Даша. – А теперь ещё и после уроков подкараулил. Я реально думала, что он всё понял и не будет больше лезть ко мне со своей любовью. Выходит, ты была права, и я на самом деле ни черта не разбираюсь в людях. Прости, что накричала.

– Это ты меня прости, – устало вздохнула я. – Я действительно перегнула, и я больше не буду, если тебя это пугает.

Даша промолчала, и я точно поняла: молчание это означало согласие.

– Однако, такие как Ягелев не понимают с первого раза, – пробубнила я, аккуратно разминая пальцы за спиной. – Они и со второго, и с третьего не понимают. Они думают, что девочки «ломаются» лишь для того, чтобы привлечь к себе ещё больше внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.